

КИЕВСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Инна Булкина (Киев)

Под текстами каноническими мы, как правило, подразумеваем тексты «школьно-хрестоматийные» и «антологические», — входившие в состав разного рода антологий и сборников «образцовых стихотворений». В «городских канонах», по крайней мере, в киевском каноне, эти «подмножества» не совпадают: в тематические антологии по понятным причинам входит больше текстов, чем в школьные хрестоматии. Обычно при составлении таких антологий преобладают идея собирательства и соображения субъективного порядка, которыми руководствуется тот или иной издатель. Но зачастую именно по причине этих «третьих соображений» в киевские антологии не попадали тексты хрестоматийные. В тех случаях, когда за «несовпадением» антологии и хрестоматии стоит некая городская идея, а не одна лишь невнимательность «постороннего взгляда»¹, это «несовпадение» или «непопадание» тоже становится фактом истории городского текста.

В киевских антологиях не так уж много «школьных» текстов. Первый и главный, безусловно, «Киев» А.С. Хомякова. Это стихотворение писалось как программное для журнала М.А. Максимовича «Киевлянин». Однако в первом номере оно было снято цензурой, попало лишь во второй, и то в сокращении (первые семь строф)². Место хомяковской «программы» в первом номере занял «Киев» В. Бенедиктова, от хомяковского «Киева» осталась одна строфа — «Слава, Киев многовечный...», поставленная редактором в качестве эпиграфа. Но, в конечном счете, именно эти два стихотворения стали определяющими для составителя самой ранней из киевских антологий, которая была собрана в 1878 году духовным писателем Степаном Пономаревым. Он, к слову, был одним из членов-учредителей Императорского Православного Палестинского Общества и собрал еще две «городских» антологии: «Москва в родной поэзии» и «Иерусалим и Палестина в русской литературе». Киев в этом ряду, безусловно, выступал в качестве «второго Иерусалима» и «колыбели православия», соответственно, в центре должны были находиться тексты, связанные с «иерусалимским сюжетом».

Первая киевская антология состояла из двух частей. Одна часть называлась по образцу «паломнических путеводителей» — «Киев и его святыни», другая — «Днепр и его окрестности». Характерно, что определяющими структурами для киевского канона стали такого типа путеводители. Первый из них был издан в 1786-м году в качестве приложения к «Путешествию ея Императорского Величества в Полуденный край России», затем они регулярно переиздавались. В основу «паломнических путеводителей» было положено восходящее к «Патерикону» «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры» с приложением некрополя («Известия о погребении в Киеве князей и княгинь роду Рюрикова»). В полном соответствии со структурой таких путеводителей все стихотворения составителя, Ст. Пономарева, посвящены главным киевским храмам. Паломнические сюжеты восходят, разумеется, к иерусалимским топосам Киева, и неслучайно одним из немногих прозаических отрывков, вошедших в эту поэтическую антологию, стал известный пассаж Е. Гребенки из «Мачехи и панночки», отсылающий к «Хождению игумена Даниила»:

Какой ты красивый, мой родной Киев! Добрый город, святой город! Какой ты прекрасный, какой ты ясный, мой седой старик! Что солнце между планетами, что царь между народом, то Киев между русскими городами. На высокой горе стоит он, опоясан зелеными садами, увенчан золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; под горою широко разбежались живые

¹ Господствующую в антологиях последних лет идею «внешнего», «постороннего взгляда», иными словами идею антологии, составленной дилетантами для дилетантов, попытался теоретически обосновать Леонид Костюков [Костюков].

² О цензурной истории «Киева» А.С. Хомякова см. комментарий Б.Ф. Егорова [Хомяков: 558–560].

волны Днепра-кормильца. И Киев, и Днепр вместе... Боже мой, что за роскошь! Слышите ли, добрые люди, я вам говорю про Киев, и вы не плачете от радости? Верно, вы не русские³.

Еще одним структурообразующим текстом для первой киевской антологии стал журнал Максимовича: большая часть поэтической продукции «антологических» авторов восходит к главным его текстам – киевским стихотворения Хомякова и Бенедиктова. Сознательно или нет, в большинстве своем авторы «пономаревского» круга воспроизводили бенедиктовско-хомяковский канон, хореическую здравицу: «Киев, Киев златоглавый, Пращур русских городов!» (П. Холмов), «Здравствуй, Днепр широкошумный, / Православия купель; Здравствуй, Киев, старец думный, Древней Руси колыбель!» (А. Башилов). «Антологические» тексты очевидным образом тяготеют к хомяковской риторике. Бенедиктов попытался усложнить строфический рисунок, перемежая энергичные Х4 песенными имитациями ХЗ à la Кольцов, но в итоге подхвачена была именно здравица.

Третьим ключевым текстом пономаревской антологии стал «Киев» И. Козлова. Хомяковское стихотворение задает паломнический (иерусалимский) сюжет — собственно, хождение. У Бенедиктова основной темой становится «днепровская купель» (неслучайно самый зависимый от бенедиктовского «Киева» текст, стихотворение А. Башилова «Здравствуй, Днепр широкошумный...», оказалось в «днепровском» разделе).

«Киев» Козлова воспроизводит классический киевский пейзаж, — тоже по сути «паломнический»: высокий днепровский берег с Лаврской колокольней, открывающийся православным паломникам, подъезжающим к Киеву с востока, с левого берега:

Где светлый крест с Печерскою главою
Горит звездой на небе голубом.

Этот пейзаж с небесными киевскими «высотами» становится своего рода «каноническим зачином»:

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром... (Хомяков)
Киев над Днепром стоит
Он горит церковью собором... (Маркевич).

В какой-то момент одним из центральных киевских топосов становится Андреевская гора, при этом «высотный» зачин остается:

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм... (Тютчев)

В пономаревской антологии представлены оба стихотворения, посвященные Андрею Муравьеву. Следом за тютчевским, находим аналогичное посвящение А. Апухтина:

Уставши на пути, тернистом и далеком,
Приют для отдыха волшебный создал ты.
На все минувшее давно спокойным оком
Ты смотришь с этой высоты...

Андрей Муравьев, автор одного из главных киевских «хожений»⁴ — характерная фигура для Киева второй половины XIX века. Он был едва ли не самым рьяным

³ Современник, 1838. Т. 12. С. 19–20. Ср.: «Город Иерусалим стоит в дебрях, около него высокие каменные горы. Когда подходишь близко к городу, то сперва виден столп Давидов, а затем, пройдя еще немного, видны Елеонская гора, церкви Святая Святых и Воскресения, где хранится гроб Господен, а затем видится весь город. Тут, близ города, на пути находится пологая гора, на этой горе люди слезают с коней, молятся и поклоняются церкви Воскресения и на виду города. Бывает тогда радость великая всякому христианину, увидевшему святой город, плачут люди от радости. Никто не может не прослезиться, увидев желанную землю и святые места, где Христос претерпел мучения ради людей. Отсюда все пешком идут с радостью великой к городу» [Книга хожений: 210].

⁴ Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. Киев. СПб., 1832.

хранителем «молитвенного Киева», и не случайно он стал героем «паломнической» антологии. Что же до Андреевской горы, то она была канонизирована в киевских текстах довольно поздно, и момент ее «канонизации» легко фиксируется: впервые Андреевская гора и венчающая ее церковь стали центральным местом киевского путешествия у Вл. Измайлова.

Как великолепно возвышенная Церковь Андрея Первозванного! ... Тысячи столпов прикасаются к облакам, соединяя, кажется, Небо и Землю. Прекрасна и цепь каменных ступеней, служащая ... эмблемой лестницы, которая соединяет Бога с человеком, и по которой Дух последнего возносится к величеству Первого [Измайлов: 172].

«Путешествие» Вл. Измайлова было чрезвычайно популярным, «образцовым» текстом, в первой половине XIX века оно многократно переиздавалось, пародировалось и перепечатывалось в хрестоматиях. Апухтин фактически дословно повторяет «прочувствованный» Измайловым образ Андреевской горы и «лестницы Иакова»:

...Выше уносясь доверчивой мечтою,
Не видит ничего меж небом и собою
На миг восставшая душа.

С Андреем Муравьевым связано едва ли не единственное исключение⁵ из концептуального массива этой паломнической антологии: в «днепровском разделе» помещены его «Русалки». Более никаких текстов, связанных с «языческими суевериями», здесь нет: ни пушкинского «Гусара», ни «старокиевских» отрывков из «Руслана и Людмилы», ни даже совершенно хрестоматийной «Песни о Вещем Олеге». В позднейших киевских антологиях пушкинские «древности» неизменно присутствуют, зато отсутствуют хрестоматийные для XIX века, хотя и не вошедшие в «альбом» Пономарева отрывки из «Двенадцати спящих дев» Жуковского. Остался за чертою киевских антологий прообраз пушкинского Лукоморья – «каталог чудес» из послания Жуковского «К Воейкову».

Еще один мотив, представленный в «паломнической» антологии Ст. Пономарева и фактически не отрефлексируемый в позднейших киевских сборниках, — это киевский некрополь. В антологии Ст. Пономарева находим два стихотворения под одним и тем же названием «На развалинах Десятинной церкви» — А. Подолинского и барона Е.Ф. Розена. Оба они, так или иначе, соответствуют барочному жанру *vanitas*, — в принципе, перед нами общегородский мотив, восходящий к апокалиптическому тексту Рима: в русской традиции этот «римский текст» представлен достаточно красноречиво — от Баратынского и Тютчева до Мандельштама и Гумилева. Кладбищенское стихотворение Розена напрямую отсылает к «Риму» Баратынского:

Ты пал, но веледушно пал,
Державный Киев, честь с тобою!
Над сей развалиной святою,
На меч склонясь, в хламиде, задремал
Хранитель-Ангел твой с увенчанной главою!... (Розен)

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немym развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги? ... (Баратынский)

К тому же кладбищенскому топосу пономаревской антологии относится «Щекавица» Н. Арбузова:

⁵ Есть еще один стилистически «неуместный» в этой антологии текст — фельетон Д. Минаева, посвященный киевским «людям великим» — В. Аскоченскому и П. Юркевичу, и предвещающий «Печерских антиков» Лескова. Вероятно, здесь тот самый случай «третьих соображений» составителя, его собственных «отношений», злобы дня и т.д.

Стою на вершине пространной, высокой,
Среди бесконечных, спокойных могил...

На горе Щекавице находилось самое древнее киевское кладбище, по легендам именно там находилась Олегова могила. Поиски Олеговой могилы входили уже не в «паломническую», но в «туристическую» программу, — так или иначе, с этой киевской «аттракцией» и собственно с топосом некрополя окказионально связана и пушкинская «Песнь о Вещем Олеге»⁶.

Едва ли не самым популярным текстом кладбищенского киевского сюжета, неизменно тиражируемым во всех позднейших антологиях, стал отрывок из рылеевского «Наливайко» («Едва возникнувший из праха...»). У Рылеева общегородской ванитативный топос наполняется собственно киевской исторической идеологией. Это уже не римский апокалипсис, но собственно иерусалимский — с разрушением храма и веры. При этом, что характерно, появляется «дерзостный лях» — не последний персонаж в киевской романтической сюжетике, и малороссийская степь, и Батый (впоследствии одна из главных киевских «рифм»).

В поздних киевских антологиях можно вычленить некий канонический массив XX века. Паломнический сюжет вспоминается нечасто, — в новейших антологиях мы находим его лишь у Маяковского и Ахматовой. Маяковский намеренно воспроизводит и переворачивает хомяковские формулы: «молящиеся дети» превращаются у него в прадедов, историческое время сдвигается на три поколения.

Шли
из мест
таких,
которых нету глуше, —
прадеды,
прапрадеды
и пра пра пра!..

Одинокой паломницей («без котомки, без ребенка») предстает в своих киевских стихах Ахматова, как будто вопреки созданному Гумилевым образу «Богом зачатой» языческой колдуньи:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью...

В присущей киевским текстам антиномии христианских святынь и языческих древностей XX век выбирает последние. Соединение земного и небесного в печерских стихах:

небесные там в подземелье спят... (Козлов);
...много тел святых / в глубине пещер твоих
полны жизни безмогильной (Бенедиктов)

⁶ Ср. также кладбищенскую виньетку Максимовича из «Писем о Киеве»:

Ой, изгадай, друже милый
Як зи мною ты гуляв
На Скавице, де шукав
Вещего могили!...
Мы чужих могил шукаем
А могила знайде нас.
Коли ж прийде смертний час
Того не вгадаем! [Максимович: 19].

отныне утрачено, остаются лишь темнота и духота, как в пещерном «кошмаре» Анненского⁷. Из «пещерного кошмара» вышел еще один киевский текст, он мало известен и до последнего времени в антологии не попадал, но характерен ранним «антологическим» мотивом, вернее, рифмой *Киев — Вий*:

Перестань притворяться, не мучай, не путай, не ври,
Подымаются шторы пудовыми веками Вия.
Я взорвать обещался тебя и твои словари,
И Печерскую лавру, и Днепр, и соборы, и Киев.

Это стихотворение «Киев» В. Катаева (1923). Возможно, здесь имеется в виду взрыв оружейных складов в Зверинецких пещерах в июне 1918-го и бои за Киев зимой того же года:

И раскатится бой
и беда,
и пальба
по Днепру,
И на приступ пойдет по мостам ледяная бригада.

Этим же событиям (собственно, взрыву в Зверинце) посвящен другой малоизвестный киевский текст — поэма Николая Ушакова «1918». Это опыт «киевской повести» на манер «петербургской повести» Пушкина о «бедном Евгении». В полном виде поэма издавалась лишь однажды, в сборнике Ушакова «Киев» (1936). Кроме всего прочего, этот текст интересен тем, что на него указала Н. Харджиеву Н.Я. Мандельштам как на источник мандельштамовского Киева-Вия.

«Киев-Вий» во второй половине XX века становится одним из ключевых «имен» города. У Мандельштама гоголевский образ возникает как смысловой ключ к сюжету о «мертвом городе» (собственно, панихида). В принципе, один из ключевых мотивов киевских текстов этой эпохи (не только поэтических) — гибель Великого города, исход из города. Здесь жанр балансирует зачастую на грани газетного фельетона и Апокалипсиса (Нарбут, Дон Аминадо), но, что еще характерно в киевских стихах Нарбута — аллюзия на канонический «антипольский» текст Рылеева («Едва возникнувший из праха...»):

Объят закат военной бурей,
И гетманская булава
Грозит конторщику Петлюре:
Смотри, крепка ли голова!
А полководец в треуголке

---

⁷ Стихотворение «Киевские пещеры»:

Тают зеленые свечи,
Тускло мерцает кадило,
Что-то по самые плечи
В землю сейчас уходило,

Чьи-то беззвучно уста
Молят дыханья у плит,
Кто-то, нагнувшись, «с креста»
Желтой водой их поит...

«Скоро ль?» — Терпение, скоро...
Звоном наполнились уши,
А чернота коридора
Все безответней и глуше...

Нет, не хочу, не хочу!
Как? Ни людей, ни пути?
Гасит дыханье свечу?
Тише... Ты должен ползти...

(Увито лаврами чело) —
Пилсудскому с улыбкой колкой:
— И Вас, фельдмаршал, понесло?
И снова Русь в сырой берлоге
Ворочается, как медведь,
Чтоб на неезженной дороге
Встать на дыбы и зареветь.
Огонь исторгнут из железа.
Стальные когти грузных лап,
И — четким стуком митральеза
Пронижет вой и лязг и храп.
*Кто победителем из праха
Подыметя, скажи, закат?*
И для кого чернеет плаха? ..
... Ясновельможные молчат.
И только тени роковые
В бровях упрямо залегли
Да в альпий свет отходит Киев,
Под сень знамен родной земли.

И еще одно «плакатно-фельетонное», но чрезвычайно знаменательное появление «дерзостного ляха» в киевских текстах 1920 года:

Не одолев в бою открытом,
Ты нам вонзаешь в спину нож
И гадом смрадным, ядовитым
Из наших городов ползешь.

Но знай, злодей: врагом народа
На веки вечные ты стал,
Когда трубу водопровода
В несчастном Киеве взорвал... (А. Тиняков. Польскому пану)

В заключение отметим чрезвычайно характерный для киевских антологий XX века мотив «грозового вступления» — очевидно, восходящий к пастернаковскому вступлению к поэме «Лейтенант Шмидт»:

Все кончилось. Настала ночь. По Киеву
Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень.
И хлынул дождь. И как во дни Батыевы,
Ушедший день стал странно стародавен.

Кажется, перед нами вновь пример возможно не вполне отрефлексированного воспроизведения «паломнического канона»: именно с языческой грозы начинается киевское «хождение» Андрея Муравьева. Но в паломническом тексте Муравьева небо чудесным образом проясняется при блеске Лаврской колокольни. В «местном каноне» конца XX века Лавра точно так же предстает «на фоне заката» и «на фоне рассвета»⁸, но это уже не мистическое видение паломника, а вид из окна новостройки на Левом берегу. Но неизбежную рифму — «грех и расплата» — подсказывает все тот же «паломнический канон».

ЛИТЕРАТУРА

Дом с химерами. Поэтический сборник. Киев, 2000.

Киев в русской поэзии / Сост. Ст. Пономарев. Киев, 1878.

---

⁸ Скучное утро и два силуэта,
Неразделимых, как грех и расплата,
Красная лавра на фоне рассвета
Черная лавра на фоне заката.
(Леонид Киселев. Дарница вскрикнет испуганной птицей... 1967).

Киев в русской поэзии / Сост. И. Булкина. Киев, 2012.

Киев: Русская поэзия. XX век. Поэтическая антология / Сост. Ю. Каплан. Киев, 2003.

Поэтический атлас Киева / Сост. П. Лаврова, Ю. Ковальский, В. Каденко. Киев, 2012.

Сто русских поэтов о Киеве / Сост. Р. Заславский. Киев, 2001.

Измайлов — *Измайлов В.* Письма путешественника в Полуденную Россию в 1799 году // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1817.

Книга хожений — Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. (Антология) / Сост. и пер. Н.И. Прокофьев. М, 1984.

Костюков — *Леонид Костюков.* Антология как вопль // Арион, 2001. № 2.
<http://magazines.russ.ru/arion/2001/2/kost.html>

Максимович — *Максимович М.А.* Письма о Киеве. М., 1869.

Муравьев — *Муравьев А.* Путешествие по святым местам русским. Киев. СПб., 1844.

Назаренко — *Михаил Назаренко.* Альбом С.И. Пономарева «Киев в русской поэзии»: <http://www.nevmenandr.net/nazarenko/kyev.php>

Хомяков — *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.